

В плену у слов-самоцветов.

ОБ АРТЕМЕ ВЕСЕЛОМ.

— «Писатель, этот заслуживает большого внимания, — пишет об Артеме Веселом Вяч. Полонский. — Пройдет немного лет — произведения А. Веселого будут переводить иностранцы и несуразное имя его станет ровень с самыми славными именами новейшей нашей литературы».

— «От художества Веселого, говорит С. Пакентрейгер, веет половодьем, стремительным, диким, разыгравшимся половодьем, не знающим удержу и установившим. Он гонит, кружит, выхрип слова и обороты, пытаясь полнозвучнее передать свои художественные страсти. Внутренняя обрисовка спихивных людей и начал нашла свое внешнее выражение в стремительном словесном и звуковом потоке, обусловившем «озорной», на первый взгляд, словарь Веселого. Он почти хищнически пользовался «дикими» сравнениями, образами, словесными ухищрениями... (У него)... сочный, как грозди, язык». Действительно, сравнения Веселого картинны необыкновенно.

Примеры:

— «Дыжнул старшой — изво рта несло табаком, портянками, навозом».

— «Под ним плясала шершавая и коварная, как комиссарская жена, кобылка».

— «Бабы плутали в юбках, ровно пьяницы в малых копейках».

— «Бабушка Анна трепала ложмотки молитв».

— «Рваный, до дыр запошенный голос».

— «Портянка выбилась из сапога, трепалась озонным собачьим ухом».

— «Вплась Фенька в мужиках, как огонь в стружках».

Описание вечера: — «Солнце садилось на корень. День вытекал».

Рассказ «Зеленый куст» начинается такой изысканно-торжественной декларацией:

— «Расшитые пенистым узором, веерные моря заглатывают солнце, по-

добное яблоку, налитому огнем, и по утрам —

— ломаю зори —

— солнце взлетает над дымчатыми морями, как козырной туз».

Картина, полная эффекта. Разорванные строки — излюбленная манера А. Веселого.

Портреты его героев:

— «Лицо Капустина — тяжелое, мужичье, будто круто замешанный черный хлеб». «Филька-Японец пылен, дробен, костляв, как чехоня, и рыло с узелок». «Васыка-Бухаров, парень ура да брось».

Можно ли короче и выразительнее?

Кованая фраза: — «Уезд засыпал снега и декреты». «Часовая стрелка резала восемь».

Первая же строка «Страны родной»:

— «Первый веселый снег засыпал город, и дальше — лучага деляш, вместо лучек, ветруга (ветер); лошадь дружески тепло названа лошадехой; с прагматикой автор тоже обращается фамильярно: упятылся, улез — вместо уполз».

Близость к народному языку временами такая, что уши вянут. «Мужичьи «крутые шутки» частенько переходят в еле-еле замаскированную матерщицу.

А, на ряду с этим, — прекрасные описания природы, мятели, деревень, эфемерных снегов и лирические отступления, полные задушевности и нежности.

— «Пути-дороженьки расейские, ходить — не исходить вас, радоваться — не нарадоваться».

— «Материнское сердце: где набрать слов, чтобы спеть песню материнскому сердцу?»

Имена его героев: парень Танек-Проник, Антон Грошев, по прозвищу Над-Нами-Кверх-Ногами, Олуфрий Лобросовестный, Афонька Недоеный, поп о. Виль-амия.

В картине масляничного деревенского разгула и обжорства изобразитель-

ность языка А. Веселого доходит до стихийной силы. Здесь язык А. Веселого — как «мужичий крик утробен», ядуч, как «ядуча мужичья слеза — землю окрозь жжет».

Во многом прав Вяч. Полонский, но относительно переводов А. Веселого на иностранные языки критик, думаемая нам, ошибая: этот архи-русский язык ни на какой иностранный язык не переведешь.

Попрошите перевести, хотя бы на немецкий, такое место:

— «Аленка, гулящая девка, красота, румяная через щеку, гладкая — не ушибешь. Коса до пяток, как лошадиный хвост. Платице папильное, справила, рассыпала каблуки. В пятках дружны, всю ее сподыма бьет, выпляс особенный, ну — ядро, буярава. — Алена аряряхни!».

Нет, тут не переведешь. Критик В. М. Фриче, побывавший этим летом за границей, говорил потом Веселому, что в Германии уже переводят целый ряд русских писателей (Леонова и других), пытались перевести и Веселого, но ничего не вышло, бросили...

* *

В статье о «перевальцах», во времена расцвета «Первала», Воронский писал:

— «Перевальцы кое-каких существенных результатов уже достигли. У основного ядра перевальцев есть свое лицо. Каждый старается сказать на свой лад и образец; складываются художественные индивидуальности. Мы ясно различаем крепкое (иногда слишком крепкое), буйное, вколачивающее гвозди слово Артема Веселого».

О секрете писательской индивидуальности Веселый, в разговоре с одним ростовским товарищем — высказался так:

— Главное, что необходимо писателю — это знать своего коня; своего конька и — побольше смелости. Каждое слово должно быть подобно звонкой монете, — словами нужно выхватывать. Слова должны тесно и цепко стоять друг к дружке; держа друг дружку за руки, они должны идти хоромом со страницы на страницу. У писателя не попадаются полноценные слова, но они теряются в груди черепков и словесного хлама...

Севт. 29/хл 21 88

вызванивать — хорошо, да как бы те получилось трезвону. Увлечение вонким словом может завести чорт знает куда. На эту опасность указывает и Вяч. Полонский.

— Верно, — говорит он, — «словесные самоцветы Веселый щедрой рукой рассыпал по страницам». Но временами «непоморная стихия языка заставляла (его) прибегать к настоящей «зауми», и частенько Веселый оказывается «в плену у языковой стихии». В доказательство этого, Полонский приводит отрывок из «Дикого сердца» А. Веселого:

— «Слова Гришка накальывал редко и нехотя, разговаривали за Гришку руки, ноги, чмок, фырк сыц, морг, плевок: бра, зна? Ууу, ццц, черно... Пух-пух, та-та-та-та та. Ммм... Обшад, Гирцеванова, бам бам... Зезз, Ииии. Кхххх. Талалы-лалалы. Кугу? В ставицу? Кугу?

От себя добавим еще из «Масляницы».

— «Дно вышибу,
— Бей, бей,
а — Глуши, сватушка!
и Хрясть, хлобысть, хмысть, буц, бяк,
ццц, хмок».

Можно только догадываться, что этим нечленораздельным мычаньем живописуется пьяная мужичья свалка. Вдобавок, слова последней строки опять напечатаны в книге строкой, уступами, лестничкой.

Результат увлечения словотворчеством уже сказался.

— «Чем больше выигрывали словесные самоцветы в яркости, тем больше проигрывали в четкой простоте. Артем Веселый еще не разделался до конца: «партизанщиной» в своих композиционных приемах. Именно в композиции заключены его слабые стороны. В «Справе родной» — она разорвана, смутна, импрессионистична — лишена стройности» (Полонский).

В личном разговоре Веселый признался, что и фабула и отдельные детали (особенно военные вожди) его мало интересуют. Его занимает стихия, народ, солдаты, массовые движения и язык, которым все это можно передать.

Но разве не прав Вяч. Полонский? Читая «Анну Каренину», видя вочию широкие картины жизни того времени, следя за судьбой буквально сотен толстовских персонажей, из которых каждый живет своей особой жизнью, не смешиваясь в памяти читателя ни с кем другим, — с чем можно сравнить опромяное, волнующее впечатление от этого правдивого и чудесного толстовского создания? А, между тем, в языке Толстого, простом и сдержанном, прозрачном, как родниковая вода, — никаких ухищрений. Но мы видим живые лица живых людей, видим, как они жестикуют и слышим их голоса, — вспомните обжигенную Анну с Вронским, очарованное этого интимного, трагического диалога, картину бала или несравненную яркость картины скачек на ипподроме, где вы понимаете даже психологию лошади в решающую для нее минуту, — и все это читатель проглатывает единым дыханием.

Мужественное, простое слово Толстого достигает здесь силы изумительной.

Читая, не замечаешь размеров книги, они не утомляют, страницы мелькают за страницами. Не считаешь и не видишь, ни страниц, ни строк, ни букв, — сквозь них видишь только природу, людей, их страдания и радости.

И думается нам, что лучший язык — именно тот которого не замечаешь. Простота — достаточно испытанное средство для передачи и шестая травы и мировых потрясений. Слова — только средство для передачи мысли, а не самоцель. Погоня же за ярким, пестрым, необычным, позиданным словом может завести писателя далеко в сторону. Яркость ради яркости — это уже спорт, игра, детская забава. И прежде всего — это неосерьезно.

Артем Веселый явно увлечен этой забавой. Думается — временно. Ибо он способен на большее.

Дополним наши изыскания беседами с А. Веселым (в ноябре с. г. он по-

езжал в Ростов, работал в Крайкспарте, собирая материал для романа «Россия, кровью умытая», над которым работает). Дело, конечно, не в А. Веселом, как в личности, а в его способе собирания и обработки материала, в работе над конструкцией вещей, отношении к слову, его общей установке и целеустремленности в т. п. Таким путем мы введем читателя в самую лабораторию художественного творчества, — может быть кое-что будет поучительно для нашего писательского молодняка.

Одну плохую книгу какого-то малоизвестного писателя он ценит только за одну фразу: «Осенний лист падал, как подстреленная птица». Такого яркого сравнения он, будто бы, нигде еще не читал, один этот образ, по его мнению, спасает книгу.

Любимая его книга — словарь В. Дала, любимый писатель — поэт «словотворец» Хлебников.

Ехали пароходом по Дону. Под свежим ветром река местами подернулась рябыми пятнами.

— «Река стлала перед нами свои кошмы», — хорошая штука, загиши, пригодится! — сказал Веселый, — такого сравнения еще ни у кого не было.

И далее в разговоре поделился своими словесными находками.

— Нынешним летом мне довелось услышать на Каие слово «отдарок». Есть подарок и есть отдарок, совсем забытое, но хорошее старинное русское слово. Вместо капитанармус в старину говорили «кормицину» т. е. человек, который кормит.

Поездка по Дону была очень неудачной: холодильце, шторм, сырость. С утра до ночи в каюте нудно хрипел граммофон, на палубе слонялись и толкались подвыпившие пассажиры, вся палуба была загажена.

— Вся эта нудная пароходная обстановка напоминает мне состояние современной нашей литературы... тошно! — заскулил Веселый. Очень люблю я слово. Найдешь за неделю такое словесное содружество, одно слово

ним, радуешься... С хорошим словом и жить веселей.

Рассказывая о своих делах, Веселый обмолвился как то, что роюсь недавно в своих бумагах, он нашел множество красновишковых, вполне годных к печати

— Красновишковых? А что это такое?

— Люди говорят: черновики и беловики, а я, вместо беловики, говорю «красновики», чтоб было не так, как у всех. У нас, в Слободке, жил один пьянчужка-драгиль. Купил он раз лампу и преподносит своей жене. Та, не говоря худого слова, — бац лампу о пол! — «Ты что мне купил за лампу?! Такие лампы есть у всех соседок. Ты мне такую лампу купи, чтоб ни у кого такой не было!»

— Так вот и я, — говорит Веселый, ухмыляясь — у меня все должно быть все как у других. —

Конечно, это была шутка, преувеличение но она характерна! при этом не ожиданном повороте, мы видим автора в некотором особом свете...

* *

*

Немного о способе его работы и его целеустремленности — они поучительны. Чтобы написать «Россию, кровью умытую» (о гражданской войне на Кубани), он уже третий раз приезжает на Кубань. В станицах собирает рядовых участников борьбы — казаков, выслушает рассказы 40 человек и из всего слышанного запишет 4 хороших слова. В Крайинспарте сидел по 10 часов в день, прочитав тысячи страниц, занес в блокнот десяток колоритных выражений, всего пяток строк. «Пролог» к Россия писал, «работал» 2 года. — всего каких нибудь 2—3 странички. И больше за 2 года не написал ни строки. Но пролог этот — предел совершенства. И все написанное им, Веселый помнит наизусть, на литературных вечерах читает на память целые страницы.

Натолкнувшись на непреодолимые трудности в стиле, временно бросил «Россию», взялся за «Ермака». (Ермак будет называться «Ярмак», — так правится автору!) Вот уже 2 года роется он в московских архивах, в поисках Ермака, разыскивал в грудях хлама

«крутинки словесного золота». Перечитаны тысячи книг. Лично ездил в Сибирь по следам Ермака. Чтобы «сделать» шапку сибирскому царевичу Мамет-Кулу и меч Ермаку, ему пришлось изучить дагестанское и алтайское оружие 17 века. Шапка царевича «сделана» на 2-х страничках, но эта шапка — чудо. Таким же путем пришлось изучать косметику 17 века — для сибирской царицы. Чтобы «сервировать стол», шакрытый Строгановыми для дружины Ермака, пришлось изучать кушанья того времени, — помог документ из Соловецкого монастыря со списком различных блюд.

* *

*

Работает Веселый туго, медленно, упорно шлифуя каждое слово. Литературная работа для него не «вдохновение», а каторжный труд, в этом — он прилежный ученик и поклонник Флобера. Ни за славой, ни за большими деньгами, ни за похвалой критики — он не гонится, зная, как все это условно. Живя в Москве, нигде не бывает, уклоняясь от всего, что мешает работать. — «Пусть судят меня по моим вещам»... — «Работа художника всегда была и будет подвижничеством».

Артем Веселый — сын волжского кручника, коммунист, в прошлом активный участник гражданской борьбы, редактор поездных военных газет и, затем, председатель одного из укомов. И свою разнужданную по природе натуру, с индивидуалистическими уклонами, он твердо держит в партийных рамках. Он прекрасно сознает, что он — сын своего класса, и в своем творчестве руководствуется конечной целью, стоящей перед рабочим классом. Организуя началом, призванным обвздать стихию партизанской вольницы (в «Диком сердце»), он ставит коммунистку Феню, таким же крепким ядром в «России, кровью умытой» — будет служить ядро большевиков.

Кроме недостатков, есть у Веселого и нечто, чему у него могут поучиться наши молодые писатели.

П. МАКСИМОВ.

